

ПИСЬМА МАТЕРИ М. И. ГЛИНКИ

Евгения Андреевна Глинка — мать великого композитора Михаила Глинки.

Перерисовка со старинной гравюры.

Если пересмотреть письма Глинки, невольно привлечёт внимание один адрес, чаще всех прочих выписанный его рукой: Смоленской губернии, Ельнинского уезда, село Новоспасское, милостивой государыне Евгении Андреевне Глинке.

Письма великого композитора к матери — не просто обычные изъяснения сыновней привязанности. В интимно-задушевных беседах с матерью-другом Глинка раскрывается с наибольшей полнотой. Ей поверяет он сердечные тайны и заветные думы. Ей первой шлёт вести о лаврах и терниях на своём пути. У неё ищет он сочувствия и утешения.

В торжественный день 27 ноября 1836 года, когда, по образному выражению современников, «занялась новая заря для русской музыки», состоялась премьера оперы «Иван Сусанин». Буквально на другое же утро в Новоспасское была отправлена первая эстафета:

«Милая и бесценная мамочка! Вчерашний вечер совершились наконец желания мои и долгий труд мой был увенчан самым блестящим успехом. Публика приняла мою оперу с необыкновенным энтузиазмом».

А несколько представлений спустя Глинка снова в письме к матери подытоживает результаты многолетних творческих усилий: «Я теперь вполне вознаграждён за все труды и страдания и ежели ещё не во всех намерениях успел, то надеюсь, что не замедлю достигнуть до прочих моих намерений...»

Да и кому же, как не Евгении Андреевне Глинке, было гордиться славой творца русской национальной оперы? Ведь это она, чутким сердцем угадав истинное призвание сына, помогла преодолеть препятствия, преграждавшие Глинке путь к артистическому поприщу. Это она с трепетом следила за работой Михаила Глинки, прилежно «уписывавшего» партитуру своей оперы в большой и весёлой зале её новоспасского дома. Это она, Евгения Андреевна Глинка, будучи в Петербурге, присутствовала и на первой репетиции «Ивана Сусанина», и сетовала на то, что не придётся ей лично быть участницей фамильного и общенационального торжества.

И Глинка не пропускал случая порадовать мать. Незадолго до премьеры «Ивана Сусанина» Жуковский вручил Глинке свою балладу «Ночной смотр». В тот же вечер музыка на эти слова была готова. Слушателей было немного: Пушкин, Жуковский да Евгения Андреевна: «Надо было видеть», — рассказывает Глинка, — как искренно радовалась мамочка видеть у меня таких избранных гостей...»

До сих пор биографы Глинки не располагали документами, непосредственно исходя-

щими от самой Евгении Андреевны Глинки. Ныне фонды Центрального государственного литературного архива обогатились ценным собранием писем матери Глинки, обращённых к её детям.

Впервые публикуя выдержки из этой интересной переписки, мы получаем возможность восстановить некоторые утраченные подробности биографии самого Глинки и воссоздать нравственный облик той женщины, которой столь многим обязана русская культура.

Большая часть писем матери М. И. Глинки охватывает период, предшествующий явлению нового бессмертного творения — оперы «Руслан и Людмила».

Пожелтевшие, с выцветшими от времени чернилами письма Евгении Андреевны последовательно развёртывают летопись событий в жизни Михаила Глинки.

Весна 1840 года. Эту весну Глинка встречает вместе с матерью в родном Новоспасском, куда привезла его после петербургских передраг Евгения Андреевна. Тщательно описывает она каждую подробность его быта и занятий, тонко подмечает малейшую перемену в его душевном состоянии.

В эту же пору впервые в письме Евгении Андреевны появляется имя Екатерины Ермолаевны Керн. Поразительное сплетение имён и творческих стимулов! Красавице Анне Петровне Керн влюблённый Пушкин подарил вдохновенные поэтические строки: «Я помню чудное мгновенье». Гениальный романс Глинки на эти стихи появился в пору его горячего увлечения родной дочерью Керн — Екатериной Ермолаевной.

Когда поздней осенью 1842 года Глинка уже был накануне завершения «Руслана и Людмилы», в Ельню отправилось письмо из Петербурга:

«Вот у нас и зима. Скоро ли вы порадуете деток ваших счастьем вас видеть? Поспешите, милая мамочка, — я теперь домосед, пишу оперу».

И вот в Новоспасском увязываются баулы и по зимнему первопутку трогается с домашними Евгения Андреевна, спеша на зов любимого сына.

Близился день премьеры «Руслана». Всё напряжённее текла работа в тихом флигеле большого дома. Уже прошла первая проба оперы, устроенная Глинкой на половине у Евгении Андреевны. Так же как в «предсусанинские» дни, мать была одной из первых, кто удостоился чести слышать музыку Глинки до публичного её исполнения.

Премьера «Руслана и Людмилы», как известно, не принесла должного успеха гениальному её творцу. В эти горькие минуты, как и всегда, в матери-друге Глинка нашёл чуткую поддержку, почувствовал непоколебимую веру в него.

— Возвратясь из театра, — вспоминает в «Записках» автор «Руслана», — мы с мамочкой скрыли нашу досаду, ласково приняли наших приятелей, приехавших к нам ужинать...

Формула Глинки «мы с мамочкой», пожалуй, красноречивее всего характеризует ту полную душевную близость, которая объединяла великого композитора и его мать.

Эта близость существовала всегда. В скитаниях Глинки по белу свету, куда бы ни заносила его судьба, образ матери ещё больше обострял в сердце Глинки ощущение родины и согревал его одинокою душой.

Евгения Андреевна скончалась 30 мая 1851 года.

Память о матери не тускнеет с годами у Глинки.

Ему хочется вспомнить её, совсем молодую, какой некогда изобразил Евгению Андреевну живописец на старинной миниатюре. С чужбины Глинка многократно умоляет в письмах к сестре прислать ему единственный сохранившийся портрет матери. Это было почти накануне его смерти, когда великому музыканту так страстно захотелось снова увидеть изображение той, которая все свои письма к детям заканчивала памятными словами: «Ваша усердная мать».

Е. КАНН, Г. ЗАЛКИНД